ких предпосылках. На некоторых крестах-энколпионах встречается и обратное явление: Борис изображен с однокупольным, а Глеб с пятикупольным храмом в руке.[70] Изображения князей не обязательно инспирировал «конкретный памятник искусства». Если даже мастер рисунка на энколпионе мог иметь перед глазами однокупольный храм Изяслава (1072—1115), то не существовал ведь уже пятикупольный храм, модель которого держат переменно Борис и Глеб. Вполне объяснимым источником мог быть текст Жития. Не исключена возможность, что посредствующим звеном было иконное изображение, но следы его ни в иконописи, ни в миниатюре не сохранились. Наконец, эти памятники XI—XII вв., не имеющие точной датировки ни археологического, ни стилистического характера,[71] не столько следует относить к определенному времени, сколько к определенному месту культа — Вышгороду, на что уже указывалось.[72] Композиция с моделями храмов отражает, по мнению В. И. Лесючевского, тот этап в истории их культа, когда они были уже признанными чудотворцами-целителями, но еще им не приписывались свойства воителей-защитников — «земля русьскыя забрала». Именно то, что Чтение изображает князей-мучеников как чудотворцев-целителей, тогда как в Сказании звучат более поздние, «воинские» мотивы, является, согласно В. И. Лесючевскому, одним из доводов старшинства Несторова произведения.

Действительно, подчеркнутое в Сказании свойство князей быть «земля русьскыя забрала и утвьржение и меча обоюду остра», не выдвинуто Нестором. Если, однако, обратим внимание на то, что Нестор часто избегает всего, что может придать местный, русский колорит его Житию, стремясь верно следовать метафрастовским образцам, отказывающийся от исторических реалий, то отсутствие «патриотических струй» не составит само по себе аргумента в пользу тезиса В. И. Лесючевского.[73] Иссле-

---

[70] Благодаря любезности Л. Д. Лихачевой автор имел возможность ознакомиться с коллекцией произведений мелкой пластики в собрании Гос. Русского Музея (ГРМ). Среди 10 крестов-энколпионов с изображениями Бориса и Глеба с моделями храмов на трех выступает обратный вариант: 1) ГРМ $\frac{ДР}{М}$ 1559, медное литье с чернью, 8.8 × 4.9 × 0.8 см, Борис держит однокупольный храм, Глеб — пятикупольный (различить можно 3 купола); 2) ГРМ $\frac{ДР}{М}$ 1561, медное литье, чернь, 9.2 × 4.9 × 0.9 см, Борис — однокупольный, Глеб — пятикупольный; 3) ГРМ $\frac{ДР}{М}$ 1567, медное литье, 7.7 × 5.2 × 0.5 см, створка креста с Глебом, держащим модель пятикупольной церкви.

[71] Энколпионы коллекции ГРМ датированы Н. Г. Порфиридовым XII в. Экземпляры с чернью со спиленными рельефными фигурами по концам креста датирует Г. Ф. Корзухина временем ближе середины XII в. О классификации и датировке русских энколпионов см.: Г. Ф. Корзухина. О памятниках «Корсунского дела» на Руси (по материалам медного литья). — Византийский временник, т. XIV, М., 1958, стр. 133; см. также: Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Загорск, 1960 (далее: Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики...), стр. 12, 18—21; Т. В. Николаева разделяет мнение В. Хвойко, что «медное литье плохо поддается датировке» (там же, стр. 18, 102—103, см. на створке энколпиона XIII в. и на шиферной иконке XIII в. изображения Бориса и Глеба в рост с крестом и мечом в руках). Эту же иконку А. Л. Монгайт (в кн.: А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 304, рис. 141) датирует XII в. См. также каменный образок XII—XIII вв. из мелкозернистого песчаника в собрании ГРМ $\frac{ДР}{Кам}$ 244 и XIII—XIV вв. — $\frac{ДР}{Кам}$ 26.

[72] В. С. Голышенко. К вопросу об изображении князя в Чудовской рукописи XII—XIII вв., стр. 408.

[73] Ср.: С. А. Бугославский. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преподобного Нестора. — ИОРЯС, т. XIX, 1914, кн. 1, стр. 131—186; кн. 3, стр. 153—191; F. v. Lilienfeld. Die ältesten russischen Heiligenlegenden.